

УДК 123.11

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

Становление случайности как метафизической категории в учениях ранних греческих философов Гераклита и Демокрита

М. О. Матушкина

*Вятский государственный университет
Киров, Россия*

Аннотация

Интерес к случайности, как особой онтологической категории, зарождается вместе с развитием самой философии и науки. История философии насчитывает несколько трактовок этой категории: от полного отрицания ее в бытии до провозглашения особым типом взаимосвязи. На наш взгляд, трактовка случайности всегда выступала немаловажным фактором для реализации того или иного подхода, призванного определить, насколько плотно могут взаимодействовать философия и наука. Категория случайности является очень точным индикатором смены мировоззренческих установок и создания новых ориентиров познания. Обращение к становлению случайности как метафизической категории поможет нам выявить основные аспекты ее влияния на научное познание.

Ключевые слова

случайность, метафизика, ранние греческие философы, Гераклит, Демокрит

Для цитирования

Матушкина М. О. Становление случайности как метафизической категории в учениях ранних греческих философов Гераклита и Демокрита // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 154–164. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

The Formation of Chance as a Metaphysical Category in the Teachings of Early Greek Philosophers Heraclitus and Democritus

M. O. Matushkina

*Vyatka State University
Kirov, Russian Federation*

Abstract

Interest in chance, as a special ontological category, arises with the development of philosophy and science. The history of philosophy has several interpretations of this

© М. О. Матушкина, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

category: from the complete denial of its existence, to the proclamation of a special type of relationship. In our opinion, chance, despite the diversity of interpretations, has always been an important factor for the implementation of a method designed to determine how tightly philosophy and science can interact. The category of chance is a very accurate indicator of the change of worldview and the creation of new landmarks of knowledge. Turning to the formation of chance as a metaphysical category will help us to identify the main aspects of its influence on scientific knowledge.

Keywords

chance, metaphysics, early Greek philosophers, Heraclitus, Democritus

For citation

Matushkina M. O. The Formation of Chance as a Metaphysical Category in the Teachings of Early Greek Philosophers Heraclitus and Democritus. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 154–164. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-154-164

Познание сущности вещи в ранней греческой философии означало постижение высшего принципа бытия, признание многоуровневости которого выражалось уже в самой постановке мировоззренческих проблем. Одной из них выступает поиск ответа на вопрос: что такое случайность. Подбирать к ней ключи – дело увлекательное. Современная философская традиция и научное познание пытаются открыть «замочную скважину» случайности через методологию, познавая вероятность и мир элементарных частиц. Но что если вернуться к метафизике бытия и посмотреть на категорию случайности в ее свете?

В Древней Греции взаимодействие философии и науки проявляло себя весьма полно, это связывают, прежде всего, с одновременным их появлением и решением мировоззренческих задач, которые стояли в то время перед первыми философами. Уже тогда философия избрала для себя роль, связанную с объяснением и истолкованием мироздания. Наблюдая за природой материального мира, древний грек видел в ней не просто чувственно-воспринимаемое величие, а умопостигаемую мощь. Он «поворачивал глаза души» [Мамардашвили, 2014. С. 187] и за внешним многообразием образов видел нечто монументальное и единое, то, что составляло суть мироздания. Пытаясь обособить философское понимание мира от мифологического, первые философы представляют мифологическое познание, как нечто, противоречащее разуму, то, что несет с собой заблуждения и незнание. Одной из таких мифологем в познании выделялась судьба. В Греции в VI–V вв. до н. э. оно обозначалось понятием «Тюхэ», кото-

рое изначально (об этом свидетельствует Фукидид) воспринималось как «достаточно расплывчатое представление массового, обыденного сознания о случайности» [Горан, 1984. С. 32], понималось как «судьба» и «рок».

Впервые упоминание о том, что есть случай, мы находим в трудах ранних греческих философов. Термин «*τυχη*» упоминается в речах Архилоха, Клеобула и Фалеса и означает богиню судьбы и случая. Так, Фалес говорил, что благодарен судьбе («*τυχη*») за три вещи: «Во-первых, за то, что родился я человеком, а не зверем; во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной; и в-третьих – что эллином, а не варваром» [Фрагменты..., 1989. С. 102]. Такая трактовка случайности в большей степени мифологична и не претендует на философское понимание. Здесь важно уяснить, что для философов VI в. до н. э. онтологические искания уходили в мир становящегося бытия, где основой выступал материальный первоэлемент. Представления о бытии формировались у древних греков под воздействием мифологических воззрений, в том числе о роли огня, воздуха, воды и земли. Это определило и специфику первых философских концепций становления, изменения и развития. Другими словами, случай воспринимался изначально как мифологическое божество, и в связи с этим первыми материалистами он не мог быть отнесен к тому, что имеет онтологический статус. М. А. Дынник подчеркивает, что характерной чертой древнегреческих материалистических учений является «борьба за науку против религии» (мифологии), поэтому ни о какой «*τυχη*» в становящемся бытии не может идти и речи. Признать случай на этом этапе становления философско-научной мысли означало бы впустить мифологию в объяснение мира природы и остаться на прежнем уровне развития, отвергая возможность рационального познания.

Но через 100 лет, в V в. до н. э., у Софокла мы находим еще одну трактовку «*τυχη*» как случайного стечения обстоятельств. Становление понятия случайности в философском контексте произведет Гераклит, в его изречениях слово «*τυχη*» будет все чаще употребляться именно как «стечение обстоятельств»: «Нет ничего непостоянной судьбы (Тюхе), которая, словно при игре в пессейю, обращивает человеческую жизнь, [словно игральную кость], противоположной стороной [букв, «вверх дном»]» [Там же. С. 243]. Гераклит, с одной стороны, признает богиню Тюхе, которая управляет жизнью, где «нет ничего постоянного, но все беспорядочно перемешано, словно в кикеоне и одно и то же: удовольствие – неудовольствие, знание – незнание, большое – малое, туда – сюда ходящие по кругу

и сменяющие друг друга в игре Века» [Там же. С. 242]. Такой Век для Гераклита наполнен хаосом и безрассудством, эти воззрения на бытие представляются ему «детскими игрушками» [Там же], тем, чему не может быть места в становящемся бытии. Если воспринимать бытие как проявление воли Тюхэ, то она погрузит в хаос все существующее. Гераклит Тюхэ противопоставляет Логос, понимаемый им как «закон» и «разум». «Мудрость заключается только в одном: признавать разум как то, что управляет всем при помощи всего» [Маркс, 1956. С. 45]. Это высказывание приводит нас к интересному выводу: Гераклит не отрицает случайность мифологическую [Robinson, 2013], но понимает, что ее присутствие в бытии как того, что имеет онтологический статус, лишает само бытие целостности, ибо привносит в него неопределенность, и, как злой демон, разрушает его. Когда Гераклит, например, размышляет о врачевателях, он говорит, что заслуга в излечении больных часто принадлежит не им, а случаю, на который врачеватели полагаются, предлагая один из методов лечения, сути которого они не в силах постичь. Поэтому фраза Гераклита «как превратить ливень в засуху» [Фрагменты..., 1989. С. 183] и является непонятной для людей. Ведь, не зная закона, не подчиняясь Логосу, человек отдает себя в ведение Тюхэ (судьбы), а признавая ее как «случай» в мире бытия, он снова попадает в западню, лишая себя возможности познания. Познать бытие возможно лишь через его сущность, а сущность – это закон, Логос, тогда как «Тюхэ» – это случай, хаос, беззаконие, непознаваемое. Случай лишает бытие возможности быть познанным, обрести свою сущность через Логос. Вот почему, признавая значимость Тюхэ – случая, Гераклит все же не включает его в свою онтологию.

Как мы видим, у Гераклита случай действительно оказывается понятным в философском ключе, но в систему бытия он не включен. Однако именно Гераклитово понимание случая как того, что неподвластно закону и непостижимо для разума, будет развиваться далее в философии. Об этом надлежит помнить, исследуя трактовку случайности, приписываемую Демокриту.

Демокрит был атомистом, причем материалистического плана: весь мир для него есть атомы и пустота. В теории познания он выделяет два вида знания: знание-мнение и знание-истину. Пожалуй, такое разделение и дает повод усомниться в традиционной трактовке его учения о соотношении необходимости и случайности, выраженной утверждением: «люди измыслили себе идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассуди-

тельность» [Материалисты..., 1955. С. 69]. Согласно этой трактовке, Демокрит видит в природе только лишь необходимость, а случай якобы характеризует как иллюзию, понимая его как наше незнание исходных причин. Такие исследователи творчества Демокрита, как С. Я. Лурье, В. Ф. Асмус, Б. Б. Виц, А. О. Маковельский, работая с сохранившимися фрагментами текстов Демокрита, признают, что атомист двойственно относился к проблеме случая, и некоторые его высказывания о случайном противоречивы. Например, С. Я. Лурье находит у него положения, где он открыто говорит о могуществе случая [Горан, 1984. С. 422]. Однако историки философии не могли изменить такое толкование взглядов Демокрита, и необходимость, несмотря на выявленные ими противоречия, по-прежнему продолжала рассматриваться как играющая первостепенную роль в учении атомиста. Если присмотреться к истории вопроса, то увидим, что традиция истолкования Демокрита как признающего только необходимость и отвергающего случайность уходит своими корнями в античные времена: таким его считали Аристотель, Диоген, Фукидид и Цицерон. Каждый из них имел дело не столько с первоисточниками мыслителя, сколько с вторичным изложением взглядов, поэтому сам анализ идей Демокрита уже заведомо был комментарием комментария через призму собственного учения. Маркс, исследуя атомизм Демокрита и Эпикура в рамках своей диссертации, осознавал, интуитивно чувствовал непреходящую значимость Демокритовых положений. Он разгадал одно из пониманий случайности у Демокрита, где сама случайность, в ипостаси реальной возможности, создает круг условий и причин, которыми опосредуется необходимость. Необходимость Демокрита Маркс трактовал как судьбу, право, провидение и созидательницу мира, «как форму рефлексии действительности» [Маркс, 1956. С. 35]. Маркс увидел некую относительность понятий необходимости и случайности в атомистике, где одно понятие может дать начало другому. Но, при всей прозорливости, Маркс не идет дальше этого и уверяется в том, что под случайностью Демокрит не видит никакой онтологической основы и всего лишь подчеркивает ее подчиненное положение необходимости, а саму ее относит к субъективному мнению. И такое понимание ситуации по сей день остается преобладающим. Но оно – только первая часть ответа на вопрос, что Демокрит имел в виду, когда вел речь о случайности. Это «тиухэ», рок, непреодолимость судьбы, то, что измышляется большинством как свидетельство собственной беспомощности, это первый исторический вариант осмысления феномена случайности, против которого и возражает

Демокрит. Являясь субъективным мнением, такая случайность действительно «враждует с сильным мышлением» и может быть противопоставлена разуму, это мифологический тип случайности как «богини Тюхэ». Но тогда почему настолько часто Демокрит упоминает о могуществе случая? Дело в том, что могущество случая он относит как раз к случайности другого порядка, к философской случайности, той, что может порождать все необходимое. Но такое видение проблемы до сих пор ускользало от историков философии, поэтому часто взгляды Демокрита на случайность понимали и понимают как фаталистические, где случайность есть наше незнание истинных причин [Маковельский, 1946].

Накопившиеся противоречивые изречения материалиста Древней Греции, в конце концов, должны были каким-то образом разрешиться. Отечественный исследователь Демокрита В. П. Горан дает нам разгадку второй части проблемы случайности у Демокрита. Он основательно анализирует фрагменты текстов Демокрита и доказывает, что атомист говорит о случайности не как о фикции, «субъективной иллюзии, порожденной незнанием причин» [Горан, 1984. С. 59], а напротив, случайность обладает у него весьма реальным существованием и «по самой своей природе сопротивляется разуму» [Там же. С. 33]. Сложность понимания идеи случая у Демокрита заключается в том, что философ размышляет о двух совершенно разных типах случайности. Под первым типом он понимает «тюхэ», богиню случая, почитаемую толпой, а второй тип представлен у него как философское понятие случайности. Христианский мыслитель Дионисий подтверждает антифаталистическую направленность философии Демокрита, утверждая, что атомист «считает высшей мудростью постижение неразумного и без толку случающегося, а случай ставит владыкой и царем вселенной и божественных сил. Он заявляет, что совокупность вещей возникла в силу случая, но из человеческой жизни случай изгоняет и называет невеждами поклоняющихся ему» [Там же. С. 48]. Такая трактовка учения Демокрита как раз и выявляет двойственное понимание им случайности. Придерживаясь философского ее понимания, он признает ее объективный статус, а когда речь у него идет о мифологической «тюхэ», т. е. о случайности как богине судьбы, он и утверждает, что люди «сотворили себе кумир из случая как прикрытия для присущего им недосмыслия» [Там же. С. 53]. Случайность, которую Демокрит признает имеющей объективный статус, он в некоторых фрагментах характеризует как обладающую огромным могуществом. Необходимость же, как одна из главных

категорий его философии, не является абсолютной и противопоставляется им этическому понятию долга, которым и ограничивается. Это позволяет сделать очень важный вывод: понятие долга уже предполагает у него свободу [Miller, 2013]. Демокрит во многих своих моральных изречениях будет размышлять над проблемой свободы, подчеркивая при этом, что «мудрец не должен повиноваться законам, а жить свободно» [Горан, 1984. С. 66]. Средством реализации такой свободы как целесоуществования у Демокрита выступает разум. Соответственно, случайность и имеет у Демокрита онтологический статус. В основе случайности лежит изменчивость, что характеризует ее как пластичное начало.

Но если трактовка случайности как незнания причин не признается Демокритом, а в знаменитом изречении допущена неточность перевода, и ничего иного кроме как мифологема судьбы здесь понимать не может, то уместно будет задаться вопросом, что же философ понимает под объективной случайностью?

Исследователи Демокрита В. П. Горан и С. Я. Лурье указывают, что термину «случайность» у него соответствует греческий термин «συμβεβηκός» [Там же] («сьюмбебекос» – что означает «случайное совпадение»). Именно такой случайности и противопоставит впоследствии Аристотель свое телеологическое объяснение видимой целесообразности явлений природы. «Сьюмбебекос» Демокрита воспринимается Аристотелем как нечто внешнее по отношению к цели, такая случайность противоречит разуму, ибо происходит без направляющего действия какого-либо целевого начала.

Таким образом, случайность у Демокрита приобретает не только антимифологический характер, но и впервые понимается как «результат совпадения определенных событий, каждое из которых возникает в ходе развертывания своей причинной цепи» [Там же. С. 99]. Но результат пересечения таких причинных цепей может называться случайностью лишь в том случае, когда эти цепи не находятся ни в какой зависимости друг от друга, иначе это не было бы просто совпадением. Если рассматривать реконструкцию взглядов Демокрита с точки зрения В. П. Горана, то можно прийти к пониманию случайности «как пересечения независимых рядов причинения, в каждом из которых все... происходит по природе и в силу необходимости» [Там же. С. 100]. Эта концепция случайности является одной из самых известных, и, как правило, ее основателем объявляют Аристотелем, но, как видим, большой вклад в ее становление внес и Демокрит.

Разногласия между философами были, безусловно, существенными, но в рамках представленной концепции их суть сводилась не к разному определению случайности, но к разной ее причине. В связи с этим распространенное убеждение в том, что, по Демокриту, случайность есть наше (субъективное) незнание всех причин, не имеет к философии атомиста прямого отношения, а лишь косвенно характеризует стремление натурфилософа изгнать из бытия всевозможные людские домыслы о мире, основанные на мифологии.

Случайность, понимаемая Демокритом как пересечение независимых рядов причинения, открывает новые горизонты в прочтении понятия «необходимость». Если в общепринятой трактовке случайности Демокрита указывалось на наличие жесткой необходимости и отрицание роли случая в природе, то здесь мы видим диалектическое взаимодействие двух понятий.

С одной стороны, необходимость представлена нам как то, что существует по природе и кроется во внутренней сущности вещей, тогда как случайность предполагает зависимость событий от внешних причин. Например, когда Демокрит размышляет о происхождении мира, он видит его начало в спонтанности («to automaton»), а возникнув, мир начинает развиваться в силу необходимости. Здесь выявляется внешний характер случая. Если углубиться в атомистическое учение, то, как пишет Аэций, «первотела (т. е. “полные”) не имеют веса, движутся же в беспредельном от взаимного удара» [Материалисты..., 1955. С. 72], – это единственный вид движения (движение от сотрясения), который признавал Демокрит. Он не указывает на первопричину возникновения мира, так как не находит такой причины, которая делала бы происхождение его неслучайным. И сама спонтанность не исходит из какой-то внутренней, целевой причины, причиной ее объявляется первоначальное беспорядочное движение атомов, которое дает начало всевозможным мирам и космосу.

Учение Демокрита о возникновении названий вещей также подчеркивает внешний характер случайности, противостоящий внутреннему, природному существу. В. П. Горан, излагая взгляды Прокла об этом учении, отмечает: «...если бы названия вещей существовали по природе, то связь между вещью и ее именем была бы настолько жестко однозначна, что многоименности, – а по терминологии Демокрита исорропии (равносильности) – слов не только не было, но она даже была бы невозможна» [Горан, 1984. С. 132].

Еще раз хочется оговориться и отметить, что такая трактовка учения Демокрита о необходимости и случайности в историю философии входит сравнительно недавно и многие исследователи философии Демокрита очень близко подходили к ней и ранее, но не могли ухватить сущности понятия «случайность», поэтому часто пасовали перед новым прочтением этой категории у атомиста и пытались убедить себя и философское общество в фатализме Демокрита, отрицании случая и провозглашении необходимости как единственной объективно существующей категории в учении древнего грека. В. П. Горан по-новому прочитывает Демокрита, помогая заинтересованному читателю разобраться в истинном звучании учения о необходимости и случайности, преодолеть все парадоксы, которые в один миг могут увести нас в фаталистическое направление. Итак, можно смело предположить теперь, что для Демокрита случайность, во-первых, это онтологическая категория, а во-вторых, сама объективная случайность есть пластичное начало.

Это подчеркивает, насколько революционной оказалась трактовка случайности, предложенная Демокритом. Как много времени потребовалось на то, чтобы узнать истинную сущность случайности, о которой говорил грек, понять, что уже в V–IV вв. до нашей эры этой категории отводилось особое онтологическое значение. Случайность, таким образом, включается в систему бытия не только как нечто внешнее по отношению к природе, но и является составной его частью. Можно заявить, что здесь впервые определяется роль философской категории случайности в становлении научной картины мира. Случайность впервые понимается как составляющая источника развития мира. Демокрит обосновывает идею становящегося бытия, некогда предложенную Гераклитом, но не с помощью отвлеченных материальных первоначал, а усматривает в развитии некое начало – случайность. Именно свобода воли человека и есть то, что вторгается в стихийно складывающуюся совокупность обстоятельств, и доказывает тем самым, что есть некое начало, способное противостоять тому, что предполагается мифологемой Тюхэ.

Таким образом, ранние греческие философы, прежде всего, указанные нами Гераклит и Демокрит, преобразуют категорию случайности из мифологемы в метафизическую категорию. А случайность в формирующемся ее философском понимании характеризует изменчивость бытия. Нам кажется, что именно эта трактовка случайности способна вернуть в современную науку утраченную «чтойность» предмета.

Список литературы / References

- Горан В. П.** Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, 1984.
- Goran V. P.** Neobchodimost i sluschainost v filosofii Demokrita [Necessity and Chance in the Philosophy of Democritus]. Novosibirsk, Nauka, 1984. (In Russ.)
- Маковельский А. О.** Древнегреческие атомисты. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946.
- Makovelski A. O.** Drevnegrecheskie atomisty [Ancient Greek Atomists]. Baku, Izdatelstvo AN Azerbaydzchanskoj SSR, 1946. (In Russ.)
- Мамардашвили М. К.** Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука – Аттискус, 2014.
- Mamardashvili M. K.** Lektsii po antichnoi filosofii [Lectures on Ancient Philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka – Attikus, 2014. (In Russ.)
- Маркс К.** О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 17–99.
- Marx K.** O razlichii mezchdu naturfilosofiei Demokrina i naturfilosofiei Epikura. Iz rannich proizvedeniy [On the Difference between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus. From Early Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, p. 17–99. (In Russ.)
- Материалисты Древней Греции.** Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Под ред. и вступ. ст. М. А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1955.
- Materialisty Drevnei Gretsii** [Materialists of Ancient Greece] / Pod red. i vstup. st. M. A. Dynnika. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. (In Russ.)
- Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подгот. А. В. Лебедев.** М.: Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.
- Fragmenty rannich grecheskich filosofov.** Ch.1. Ot epicheskich teokosmogoniy do vzniknoveniya atomistiki [Fragments of early Greek philosophers. Part. 1. From epic tocosmogony before the emergence of atomic theory]. Moscow, Nauka, 1989. (In Russ.)
- Miller J. G.** Democritus and the Critical Tradition. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor

of Philosophy in the Department of Classical Studies in the Graduate School of Duke University, 2013.

Robinson T. M. «Heraclitus and Logos – Again» // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2013. Т. 7, вып. 2. С. 318–327.

Материал поступил в редколлегию

Received

12.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Матушкина Марина Олеговна, аспирантка Вятского государственного университета (ул. Московская, 36, Киров, 610000, Россия)

Marina O. Matushkina, Postgraduate of the Vyatka State University (36 Moscow Str., Kirov, 610000, Russian Federation)

ma-ros-ol@mail.ru